

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ И ЗАОЧНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

В статье рассматриваются вопросы заочного уголовного преследования лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда на территории иностранных государств, в случаях невозможности осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, будучи обусловленным интернационализацией преступности и интеграцией государств в борьбе с преступностью, одной из своих задач имеет повышение эффективности уголовного преследования лиц, совершающих преступления на территории Российской Федерации и скрывающихся от органов предварительного расследования и суда на территории иностранных государств. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматриваются следующие формы международного сотрудничества государств в целях уголовного преследования таких лиц:

1) осуществление органами иностранного государства уголовного преследования лица, совершившего преступление на территории Российской Федерации, но впоследствии оказавшегося за ее пределами (ст. 458 УПК РФ);

2) выдача иностранным государством лица для уголовного преследования на территории Российской Федерации (ст. 460 УПК РФ).

Между тем в нормах международного права закрепляются основания отказа в осуществлении указанных форм международного сотрудничества.

Так, в соответствии со ст. 2 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Страсбург, 1959 г.) [1] в помощи может быть отказано: а) если просьба касается преступления, которое запрашиваемая сторона считает политическим преступлением, преступлением, связанным с политическим преступлением, или финансовым преступлением; б) если запрашиваемая сторона считает, что выполнение просьбы может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам ее страны. В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 102 Конвенции о пра-

вовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Жишнев, 2002 г.) [2] в осуществлении уголовного преследования отказывается, если в отношении лица, об уголовном преследовании которого ставится вопрос, на территории запрашиваемой договаривающейся стороны за то же преступление было вынесено постановление о прекращении производства по делу либо отказано в возбуждении уголовного дела.

В соответствии с Европейской конвенцией о выдаче (Париж, 1957 г.) [3] выдача не осуществляется, если преступление, в отношении которого она запрашивается, рассматривается запрашиваемой стороной в качестве политического преступления или в качестве преступления, связанного с политическим преступлением (ч. 1 ст. 3); если запрашиваемая сторона имеет существенные основания полагать, что просьба о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением была сделана с целью судебного преследования лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями, или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин (ч. 2 ст. 3); в связи с воинскими преступлениями, которые не являются преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом (ст. 4); в связи с преступлениями, связанными с налогами, сборами, пошлинами и валютными операциями, в том случае, если договаривающиеся стороны не приняли об этом решение (ст. 5); в отношении своих граждан (ч. 1 ст. 6); если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающей стороны и если в отношении такого преступления смертная казнь не предусматривается законом запрашиваемой стороны или обычно не приводится в исполнение (ст. 11) и в некоторых других случаях.

Таким образом, в правоприменительной практике возможны ситуации, когда в отношении лица, совершившего преступление на территории Российской Федерации и находящегося на территории иностранного государства, по тем или иным из вышеуказанных оснований может быть невозможным осуществление международного сотрудничества в целях уголовного преследования такого лица.

В этой связи концептуально важным становится вопрос о возможности заочного уголовного преследования лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда Российской Федерации на территории иностранного государства. Особую актуальность данный вопрос приобрел после внесения в УПК РФ дополнений, предусматривающих возможность проведения в исключительных случаях судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу (ч. 5 ст. 247 УПК РФ в ред. ФЗ от 27.07.2006 г.).

Указанные изменения уголовно-процессуального закона следует оценивать прежде всего в аспекте их социального предназначения и правовой роли в системе российского уголовного судопроизводства. Как представляется, такая оценка должна осуществляться с двух позиций.

Во-первых, с позиции стороны обвинения и государства в целом заочное судебное разбирательство можно рассматривать как инструмент реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности для лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда. Роль ч. 5 ст. 247 УПК РФ при этом заключается в недопущении государством случаев, когда лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации и скрывшееся за ее пределами, если оно по каким-либо причинам не может быть выдано для уголовного преследования на территории Российской Федерации, либо иностранное государство, на территории которого данное лицо находится, отказывается от его уголовного преследования в рамках международного сотрудничества, оказывается фактически

недостижимым для применения к нему мер уголовной ответственности.

Во-вторых, заочное судебное разбирательство можно рассматривать с позиции стороны защиты как способ реализации подсудимым своего права на защиту опосредованно. Значение заочного судебного разбирательства в этом случае заключается в возможности для подсудимого, полагающего, что предъявленное ему обвинение является незаконным и (или) необоснованным, реализовать свое право на защиту дистанционно, через своего защитника, и попытаться доказать свою невиновность вместо того, чтобы скрываться от органов правосудия.

Необходимо отметить, что законодателем в УПК РФ отражены оба рассмотренных подхода, но не в полной мере, односторонне. Так, ч. 4 ст. 247 УПК РФ, закрепляя возможность заочного судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести только по ходатайству подсудимого, не предусматривает обязательного участия в таком разбирательстве защитника. В свою очередь, в ч. 5 ст. 247 УПК РФ предусмотрено требование об обязательном участии в заочном судебном разбирательстве по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях защитника, однако само разбирательство может проводиться независимо от ходатайства (а также осведомленности о нем) подсудимого.

В этой связи закономерен вопрос, является ли участие подсудимого в судебном разбирательстве правом либо обязанностью и насколько отсутствие подсудимого при рассмотрении его дела судом нарушает международно-правовой принцип справедливости судебного разбирательства?

Так, в соответствии с п. 3d ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый имеет право «быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве». Из данной гарантии, как представляется, можно сделать два вывода. Прежде всего, присутствие подсудимого на судебном разбирательстве его дела в международно-правовом смысле является правом, а не обязанностью лица. Поэтому следует согласиться с мнением И.Л. Петрухина, согласно которому

«нет никакого толка в том, что обвиняемый будет сидеть молча в судебном заседании, не участвуя в нем... при полном молчании подсудимого публичный интерес не достигается, и на первое место выдвигается право обвиняемого на отказ от участия в суде» [4].

Между тем подсудимый в обязательном порядке должен быть уведомлен о своем праве на защитника, а также о судебном разбирательстве как таковом, его месте и времени, что вытекает из принципа справедливого судебного разбирательства (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.). Практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) при рассмотрении заявлений лиц, в отношении которых судебное разбирательство проводилось заочно, свидетельствует о признании ЕСПЧ заочного судебного разбирательства, если оно предусмотрено национальным законодательством соответствующего государства, но при условии, что подсудимый в надлежащем порядке уведомлялся о месте и времени проведения такого разбирательства и что его отказ от участия в судебном разбирательстве был «недвусмыслен и снабжен минимумом гарантий, соответствующих его тяжести» (Poitrimol, 31). При этом подсудимого нельзя лишить возможности доказать, что он «не стремился уклониться от правосудия или что его отсутствие было вызвано непреодолимой силой» (Colozza, 30).

В этой связи показательно решение ЕСПЧ по делу Шомодьи против Италии, по которому суд признал нарушение требований ст. 6 Конвенции в части ненадлежащего уведомления подсудимого о дате предварительного слушания по его делу. В направленной Шомодьи повестке написание имени отличалось от написания его имени, кроме того, были указаны другие место и дата рождения и отличался указанный в повестке адрес от адреса подсудимого. Шомодьи также утверждал, что подпись в расписке о получении повестки не является его подписью. Суд счел, что итальянские власти не предприняли достаточных мер для того, чтобы убедиться, «было ли решение заявителя [Шомодьи] не являться в суд недвусмысленным, методы, использованные итальянскими властями, отнюдь не способствовали тому, чтобы в производстве по данному делу утвердился бы стандарт, требуемый Статьей 6 Конвенции».

Тем самым надлежащее уведомление подсудимого о месте и времени судебного разбирательства в отношении него и разъяснение ему при этом права на защиту должны стать безусловными основаниями для проведения заочного судебного разбирательства. Очевидно, что ч. 5 ст. 247 УПК РФ, так как в ней не закреплено требование о надлежащем уведомлении подсудимого о месте и времени проведения судебного разбирательства, не соответствует позиции ЕСПЧ. Конечно же, логичным аргументом в данном случае может явиться утверждение о том, что надлежащее уведомление уклоняющегося от явки в суд подсудимого невозможно, противоречит самой идее заочного судебного разбирательства. Вместе с тем проведение заочного судебного разбирательства в отношении подсудимого, который не был надлежащим образом уведомлен о проведении судебного разбирательства, противоречит назначению уголовного судопроизводства и, кроме того, представляется бессмысленным: для чего проводить судебное разбирательство в отношении лица, которое с высокой степенью вероятности и после заочного осуждения не будет найдено, и вступивший в законную силу приговор суда не сможет быть исполнен? Объяснение этому, думается, есть, но оно далеко от назначения уголовного судопроизводства и заключается в улучшении показателей статистики по количеству приостановленных судами дел за розыском подсудимого.

Наконец, нельзя не отметить, что в научной литературе в последнее время справедливо указывается на необходимость законодательного закрепления заочного порядка производства по уголовному делу не только в стадии судебного разбирательства, но и в досудебном производстве, в стадии предварительного расследования [5]. В этой связи следует считать более корректным использовать термин «заочное уголовное преследование» как обозначение процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, отсутствующего в производстве по уголовному делу, но являющегося участником уголовного судопроизводства (подозреваемым или обвиняемым). Как представляется, отсутствие или наличие подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу влияет на характер именно уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозрева-

емого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Такой подход основан на узком понимании уголовного преследования, в соответствии с которым уголовное преследование начинается осуществляться в рамках производства по уголовному делу только с появлением у лица процессуального статуса подозреваемого (обвиняемого) [6]. Поэтому при возбуждении уголовного дела «по факту» совершения преступления до установления лица, в отношении которого будут собраны достаточные доказательства для предъявления обвинения, признак заочности в процессуальной деятельности стороны обвинения отсутствует, так как отсутствует сама процессуальная деятельность по изобличению лица в совершении преступления.

В целом, поддерживая мнение о необходимости законодательного реформирования российского уголовного судопроизводства в части регулирования заочного уголовного преследования как в судебных, так и в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в качестве образца (или, точнее, отправной точки) можно предложить уголовное судопроизводство Республики Казахстан, в кото-

ром заочное уголовное преследование предусмотрено как для досудебных, так и для судебных стадий уголовного процесса [7]. Более того, в российском уголовном судопроизводстве существуют положения, выступающие предпосылками для разработки института заочного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу, в частности, положения о заочном привлечении лица в качестве обвиняемого и о заочном избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующий вывод: генерирующим началом создания института заочного уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве как альтернативы международному сотрудничеству по уголовным делам должна стать идея компромисса между стремлением к применению уголовной ответственности к каждому, кто совершил преступление, и необходимостью обеспечения личности, подвергнутой уголовному преследованию, возможностью защищать себя всеми доступными способами, в том числе заочно.

Список использованной литературы:

1. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2349.
2. Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 2(41). – С. 82-130.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.
4. Петрухин, И.Л. О заочном рассмотрении в судах уголовных дел / И.Л. Петрухин // Адвокат. – 2007. – № 12. – С. 36.
5. Арабули, Д.Т. Сравнительный анализ заочного судебного разбирательства в Российской Федерации и Республике Казахстан / Д.Т. Арабули // Мировой судья. – 2008. – № 6. – С. 18.
6. Подр. см.: Мазюк, Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 67-94.
7. Тукиев, А.С. Проблемы процессуальной формы заочного уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Тукиев. – Караганда, 2007. – С. 3-4.